

ИРАН И САНКЦИИ: ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ*

© 2019 Н. КОЖАНОВ, Л. ИСАЕВ

DOI: 10.31857/S032150750005565-3

Решение Д.Трампа о выходе США из всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной программе (СВПД), а также эмбарго на экспорт нефти из Ирана существенным образом обеспокоило международное сообщество. Вместе с тем, наиболее пессимистические сценарии следует рассматривать применительно к нынешней ситуации с некоторой осторожностью. Санкции могут оказаться не столь эффективными, как того ожидают в Вашингтоне. Об этом говорит как текущее развитие событий, так и более ранний опыт санкционного давления на Тегеран.

Ключевые слова: Иран, санкции, экономическое развитие, социально-политическая нестабильность, СВПД

IRAN AND SANCTIONS: EXPERIENCE OF OVERCOMING AND INFLUENCE ON SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Nikolay A. KOZHANOV, PhD (Economics), Research Fellow, National Research University Higher School of Economics; Research Fellow, European University at St. Petersburg (n_a_kozhanov@mail.ru)

Leonid M. ISSAEV, PhD (Political Science), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; Research Fellow, Institute for African Studies, RAS (isleonid@yandex.ru)

The international sanctions has been affecting Iran's economy for the last forty years. During this time, their pressure on Iran's economy was uneven. The most sensitive measures of economic pressure against Tehran was applied in 2010 - 2015. They cut the country from the international banking and insurance system. Tehran's access to foreign investments, advanced technologies and international sea carriage services was restricted. Its options to sell oil in external markets and import gasoline were also limited. Consequently, the adoption of the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA, so called nuclear deal) signed between Tehran and the international group of negotiators in 2015 was welcomed by the Iranian population and large part of the country's elite. This document was lifting most of the previously imposed sanctions and gave Iran hopes for less troubled economic development.

Yet, the decision of US president, Donald Trump, voiced in Spring 2018 to leave the JCPOA change the situation around Iran once again. The renewal of US sanction pressure on Tehran caused serious concerns among the international community. The authorities of the EU, Russia and China are rightfully worried that the re-introduction of the US sanctions can create difficulties for doing business with Tehran and provoke the Iranian elite to consider options for Tehran to leave the nuclear deal. According to these concerns, sanctions might have negative impact on the domestic situation in Iran causing the growth of social unrest and strengthening of the position of conservative forces less prepared for the dialogue with the outer world. These concerns got only strengthened when, in November 2018, Trump imposed oil trade embargo on Tehran (with the provision of oil sanctions waiver for only eight countries and limited period of six months). Yet, these pessimistic scenarios should be taken with a grain of salt. Some of the current events and past experience clearly demonstrate that the re-imposed sanctions might become less effective than expected by the US.

Keywords: Iran, sanctions, economic development, sociopolitical instability, JSPOA

Существующий санкционный режим в отношении Исламской Республики Иран (ИРИ) начал формироваться не в 2003-2006 гг. , после обострения ситуации вокруг Иранской ядерной программы (ИЯП), а в 1979 г. с возникновением продолжающегося по сей день кризиса в ирано-американских отношениях.**

КОЖАНОВ Николай Александрович, к.э.н., н.с., НИУ ВШЭ. РФ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; н.с., Европейский Университет в Санкт-Петербурге. РФ, 191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 1 (n_a_kozhanov@mail.ru)

ИСАЕВ Леонид Маркович, к.полит.н., доцент НИУ ВШЭ; н.с., ИАФР РАН. РФ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20 (isleonid@yandex.ru)

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке гранта РНФ (№ 18-18-00254).

** После выхода Ирана из режима моратория на ядерную конверсию (август 2005 г.) и обогащение урана, отказа от исполнения Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ (февраль 2006 г.), а также ввода в строй в августе 2006 г. предприятия по выработке «тяжелой воды» в Араке Совет Безопасности ООН в 2006 г. принял первую (№ 1737), а 24 марта 2007 г. - вторую санкционную резолюцию (№ 1747) по Ирану. В 2010 г. СБ ООН принял новую резолюцию № 1929, которая стала «дорожной картой» для введения в 2010-2012 гг. наиболее чувствительных санкций в отношении ИРИ, которые привели к тому, что Иран оказался отрезан от международной финансовой системы (в т.ч. системы SWIFT), доступа к иностранным инвестициям и технологиям, необходимым для развития ключевых отраслей экономики (в первую очередь, нефтяной и нефтехимической), возможности импорта бензина, использования международных страховых и транспортных услуг при перевозке нефти. На торговлю нефтью с Тегераном было наложено эмбарго (прим. авт.).

Превращение Ирана (в противовес всем изначальным планам США по «приручению» исламского режима) из стратегического регионального экономического и политического партнера Соединенных Штатов в их оппонента, угрожающего другому союзнику Вашингтона - Израилю, не могло остаться безнаказанным.

Еще в 1979 г. в отношении ИРИ впервые были применены санкции. С тех пор Иран живет в условиях санкций практически постоянно, с момента возникновения исламской республики в 1979 г. Интенсивность этого давления в разные годы менялась, но сами санкции с Ирана полностью не снимались никогда. Даже по условиям всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной программе (СВПД) 2015 г. США сохранили в силе целый ряд мер, введение которых не было напрямую связано с ядерной программой Тегерана.

И все же хоть санкции и стали серьезным испытанием для Ирана, они не смогли серьезным образом подорвать власть духовенства и настроить против него население. Во многом это объясняется тем, что меры экономического давления, нанеся серьезный ущерб иранской экономике, не разрушили ее.

Критичным для исламской республики стал период январь 2011 г. - ноябрь 2012 г., когда стране пришлось приспособливаться жить в новых условиях. Однако уже к 2013 г. наметились определенные тенденции к стабилизации ситуации, а к 2015 г. руководству ИРИ даже удалось выправить ряд изначально негативных показателей.

Так, если в 2012 г. объем ВВП страны сократился на 6,6%, то в 2013 г. этот показатель был равен -1,9%, а в 2014 г. уже вышел на уровень +3%. В 2013-2014 гг. правительство смогло более чем вдвое сократить темпы роста уровня инфляции (с 40% до менее 20%). В январе 2015 г. Центральный банк ИРИ прогнозировал, что в текущем году он сможет стабилизировать этот показатель на уровне 15% и снизить его до менее 10% в 2016 г. К 2015 г. был остановлен процесс обесценения национальной валюты. Зависимость бюджета от поступления нефтедолларов также снижалась. Если в 2013-2014 гг. она составляла 40%, то в 2015 г. - 33% [1].

ИРАНСКИЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ САНКЦИЯМ

В первую очередь, сразу же после введения санкций 2012 г. руководство Ирана приняло ряд решений для того, чтобы приспособить экономику страны к новым условиям. Так, бюджет на 2013 г. был спланирован, исходя из возможности Тегерана экспортировать не более 1,33 млн барре-

лей нефти в сутки при средней цене в \$90-91 за баррель и возможном покрытии только 40% расходов казны за счет нефтедолларов.

Основной упор был сделан на диверсификацию экономики с целью максимально сбалансировать объем существующего импорта товаров за счет ненефтяного экспорта с акцентом на развитие нефтехимического сектора, горнорудную и сталелитейную промышленность, электроэнергетику, производство строительных товаров, а также предметов т.н. традиционного экспорта (сухофрукты, агропродукцию, ковры и т.д.). Тем самым в 2011-2015 гг. правительство страны сконцентрировало внимание на инвестировании средств в развитие тех сфер экономической деятельности, которые в меньшей степени или совсем не подпадали под действие санкций [2].

С середины 2012 г. иранским руководством был принят ряд мер по поддержке производителей и экспортеров ненефтяных товаров. В частности, был серьезно изменен закон о поддержке периферийных экспортеров, отменены некоторые экспортные пошлины и заморожен рост ряда других. Власти страны запустили программы по субсидированию транспортных издержек экспортеров, поощрению их участия в международных выставках и созданию новых, ориентированных на экспорт, производств.

Для поддержки программ по развитию экономики правительство стало активнее использовать Фонд национального развития (ФНР), в который ежегодно отчислялось не менее 20% государственных прибылей от нефти*. Было объявлено об отмене или упрощении целого ряда процедур, позволяющих производственному сектору экономики страны получить доступ к его ресурсам. Более того, с 2012 г. именно поддержка развития производственных мощностей экономики страны стала одной из главных задач ФНР. До этого деятельность Фонда была направлена на предоставление аккредитивов иностранным компаниям и торговым фирмам.

Вызванные санкциями проблемы также заставили руководство ИРИ создать в стране действующую налоговую систему, которая до этого существовала лишь на бумаге. К 2013 г. наконец-то заработал механизм НДС. В результате, в течение только одного 2012 г. налоговые поступления от НДС были увеличены на 25% (до \$14 млрд) [3]. С 2012 г. иранским правительством был принят ряд мер по стабилизации ситуации на валютном рынке и экономном расходовании золотовалютных резервов.

После введенных США, ЕС и их партнерами санкций в 2012 г. приток инвалюты в страну значительно сократился, в результате чего подоб-

* По состоянию на 2014 г., резервы ФНР составляли \$62 млрд (по оценкам американского института *Sovereign Wealth Fund Institute (SWFI)* (прим. авт.).

ные валютные интервенции чрезвычайно истощали долларовые запасы страны, которые могли быть потрачены на более важные цели. По этой причине Тегеран к ноябрю 2012 г. примирился с неизбежной девальвацией национальной валюты, возродив существовавшую до начала 2000-х гг. многокурсную систему валютного обмена. Сделано это было путем создания в сентябре 2012 г. т.н. центров торговли валютой (ЦТВ), и в конце сентября 2012 г. правительство и ЦБ Ирана объявили о делении основных импортируемых Ираном товаров на 10 групп важности, в отношении которых действовали различные курсы обмена валюты.

Для контроля ситуации на валютном рынке страны ЦБ ИРИ также сохранил введенные ограничения на снятие наличных средств с банковских счетов и на вывоз валюты за пределы страны (в сумме не более \$2000 в год на одного человека - по состоянию на 2013 г.). В то же время иностранным инвесторам были даны гарантии, что за ними сохранится право на вывоз прибыли и реинвестирования вложенных средств без каких-либо ограничений в рамках существующего Закона о защите и поощрении инвестиций 2002 г.

С целью ограничить растущий спрос на валюту со стороны импортеров было принято решение временно ограничить объем или, в случае необходимости, полностью запретить ввоз определенных иностранных товаров. В первую очередь, это коснулось 600 наименований продукции, чьи эквиваленты производились в самом Иране. В ноябре 2012 г. власти ИРИ ввели дополнительные запреты на импорт предметов роскоши. Одновременно запрет был введен на экспорт золота и золотых монет без специального разрешения на это со стороны ЦБ ИРИ.

Относительно быстро иранцам удалось решить проблему с обеспечением бензином, импорт которого подпадал под санкции. В середине сентября 2010 г. иранские власти уже официально объявили о достижении необходимого уровня самообеспеченности ИРИ этим продуктом. К этому моменту иранские власти приступили к реализации чрезвычайного плана по повышению производственных мощностей НПЗ, благодаря чему Тегерану удалось выйти на уровень производства топлива в 66 млн л бензина в сутки, что примерно соответствует среднему показателю его внутреннего потребления. Значительную роль в процессе сдерживания роста потребления бензина на начальном этапе сыграла введенная система электронных карточек, выданных населению для покупки бензина. С их помощью правительство вводило определенный лимит (изначально 80-100 л в месяц) на приобретение топлива по льготным ценам, сокращая, тем самым, уровень потребления. После введения СБ ООН и США новых санкций летом 2010 г. руководство ИРИ приняло решение

о новом сокращении лимита до 60 л в месяц, однако объем потребления остался практически неизменным.

Особую роль в снижении давления санкционного бремени на экономику ИРИ сыграл и фактор внешней среды. Так, важной контрмерой со стороны Ирана стала активная работа с оставшимися покупателями нефти - Турцией, Китаем, Южной Кореей, Индией и Японией. В результате, в соответствии с отчетами Международного энергетического агентства (IEA), после семи месяцев практически постоянного снижения объемов производства нефти в Иране к ноябрю 2012 г. властям ИРИ эту тенденцию удалось переломить и стабилизировать ситуацию.

Отдельная ставка была сделана Тегераном на работу со странами, ранее не являвшимися основными партнерами ИРИ, а также малыми компаниями: большинство из них в силу масштабов своего бизнеса не имеют никаких деловых связей с США или ЕС и, в результате, могут не опасаться применения в отношении себя санкционных мер. Некоторые эксперты, специализирующиеся на теоретических вопросах применения экономических санкций и повышения их эффективности, используют особый термин «черный рыцарь» (*black knight*). Им обозначаются малые торгово-экономические партнеры страны, находящейся под действием санкций, которые ради получения дополнительной прибыли или выгоды какого-либо иного рода (в т.ч. и политической) помогают ей нарушать санкционный режим (или, как минимум, ослабляют негативные последствия его введения) [4, pp. 427-447].

В случае с Ираном, санкции 2010 г. позволили примерить на себя роль «черного рыцаря» целому ряду стран, в т.ч. Венесуэле, Белоруссии, Бразилии, Эквадору, Сирии, Малайзии, а также государствам-членам Организации экономического сотрудничества (ОЭС), включая Турцию. Ранее их фирмы не могли полноценно конкурировать с присутствовавшими на рынках ИРИ крупными западными (и не только) компаниями. Однако постепенный уход последних открыл перед малыми торгово-экономическими партнерами Ирана целый ряд возможностей по наращиванию своего присутствия в этой стране.

В 2010-2015 гг. Ираном была разработана целая система полулегальных и нелегальных мер, позволяющих обойти наложенные на него ограничения. Способствовало этому и несовершенство санкционного режима. Так, ИРИ является важным региональным узлом в системе международных автотранспортных перевозок. Однако ограничения, наложенные санкциями, касались в первую очередь морских и воздушных перевозок, в то время как вопросы контроля грузов следующих в/из Ирана наземным путем были оставлены без внимания. Это, в свою очередь, позволяет иран-

цам отправлять и получать товары из любой точки Евразии. Характерно, что после введения санкций 2010 г. объем грузов, пересекающих наземные границы ИРИ, значительно увеличился. В частности, возросло число бензовозов, въезжавших в Иран через таможенные пункты на границе с Турцией и Ираком, а также порты Каспийского моря, куда они прибывали на паромов из стран Центральной Азии [5; 6; 7].

Кроме того, в самом начале действия санкций иранский частный сектор оказался практически не затронутым западными ограничениями и мог относительно свободно действовать за рубежом. Между тем, в силу ряда исторических особенностей, частный иранский бизнес традиционно имеет устойчивые связи с государством и государственными структурами. В годы президентства М.Ахмадинежада в иранской экономике получил активное распространение такой феномен, как «полугосударственные компании» (дословный перевод персидского термина «шибхедаулатиха»), т.е. аффилированные с властными институтами, но формально действующие как частные [8, pp. 60-71; 9; 10]. Подобные структуры использовались руководством ИРИ для нарушения санкционного режима. Особо активно работали в интересах иранского правительства фирмы, негласно связанные с Корпусом стражей исламской революции (КСИР) и благотворительными религиозными фондами. Активно использовались Тегераном и подставные фирмы (а в ряде случаев и иранские экспатрианты), с целью обеспечения внешнеэкономической деятельности организаций, попавших под действие санкций [11].

Шел Тегеран и на полностью нелегальные меры обхода санкций. Наиболее яркий пример здесь - торговля нефтью в 2010-2015 гг. ИРИ неоднократно обвинялась в нелегальной торговле нефтью. Наиболее простым вариантом была подделка документов, свидетельствующих о ее происхождении, и выдача иранского «черного золота» при продаже за иракское [5; 6; 7]. Помимо этого, по данным Международного энергетического агентства, опубликованным в мае 2012 г., Иран отключил практически на всех своих танкерах устройства, отслеживающие их местоположение. Все это было сделано для того, чтобы при возможности проводить нелегальную торговлю нефтью в открытом море, осуществляя весьма опасную операцию перегрузки с судна продавца на судно покупателя.

Характерно, что в условиях валютного дефицита 2010-2014 гг. иранское правительство не жалело средств на развитие своего танкерного флота, не только заказывая новые корабли на китайских верфях, но и, по некоторым данным, скупая в

третьих странах старые, приготовленные к списанию корабли.

Обход банковских санкций, ограничивающих доступ Ирана к международной финансовой системе, также потребовал определенной изобретательности. В первую очередь, еще с 2006 г. иранские власти начали обращаться к правительствам ряда стран с инициативой создания совместных банков, позволивших бы вести расчеты напрямую. Только в 2008-2009 гг. подобные предложения поступили руководству Индии, Китая, России и Турции. Впрочем, реально существовало только два совместных института: Ирано-венесуэльский банк (основан в 2009 г.) и Ирано-египетский* банк развития [12].

Другой мерой, используемой Тегераном для сокращения зависимости от западной банковской системы, был переход при расчетах со своими торговыми партнерами с долларов и евро на национальные валюты. В частности, иранские банки обслуживали расчеты в южнокорейских вонах, турецких лирах, китайских юанях, японских иенах, индийских рупиях и эмиратских дирхамах. Иранские власти также обсуждали перспективы использования рубля при заключении сделок с российскими компаниями.

Власти ИРИ стали активно поощрять зарубежную экспансию частных иранских банков, которые не попали под действие санкций. Именно через них и их иностранные филиалы предполагалось проводить необходимые для иранцев международные финансовые транзакции. При этом, как и в случае с обычными негосударственными компаниями, слово «частный» можно было применять к иранским финансовым институтам с оговорками, поскольку зачастую они оказывались на поверку ширмой, прикрывавшей деятельность попавших под санкции государственных банков.

Особый интерес для иранцев представляло открытие банковских филиалов в странах с нестабильной ситуацией и/или непрозрачной экономикой (например, в Малайзии, Ираке и Афганистане). С одной стороны, отсутствие политической и административной транспарентности в этих странах, а также закрытость их финансовых систем для внешнего контроля, создавало массу лазеек для проведения серых и нелегальных операций. С другой стороны, национальные банки указанных государств, равно как и действующие на их территории филиалы финансовых институтов из третьих стран, могли быть использованы в качестве элементов системы переводов, открывающей, в конечном счете, перед иранцами доступ к европейским и даже американским банкам.

В ряде случаев для обхода финансовых санкций Иран пытался избегать использования меж-

* Впрочем, власти Египта, чтобы защитить Ирано-египетский банк от санкций, заявляли о том, что в числе его собственников нет ни одного гражданина Ирана (прим. авт.).

дународной банковской системы как таковой, оплачивая сделки наличностью (в буквальном смысле, иранские бизнесмены могли возить с собой мешки с риалами и иностранной валютой), переходя на бартер (как в случае с Индией, которая частично расплачивалась за иранскую нефть продовольствием) или используя инструмент исламского банковского дела - *хавалу* (неофициальную сеть денежных переводов, основанную на доверии).

В случае получения иранцами крупных сумм за поставки нефти, они могли и вовсе не перечисляться в Иран. Так, в конце ноября 2012 г. заместитель премьер-министра и по совместительству министр финансов Ирана А.Бабакан признал, что Анкара переводила до 44% сумм, предназначенных для оплаты импорта иранской нефти, и 18% сумм, предназначенных для оплаты импорта иранского газа, на счета граждан ИРИ в турецких банках. Похожая схема существовала в Китае и Южной Корее. В свою очередь, аккумулируемые в банках суммы использовались для оплаты иранского импорта из этих государств.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИРАНЕ ПОСЛЕ ВЫХОДА США ИЗ СВПД

И все же в 2010-2015 гг. Иран не жил, а выживал под санкциями. В таких условиях снятие введенных в отношении ИРИ ограничений стало приоритетной задачей внешней политики Тегерана. Пойдя на конструктивный диалог с международным сообществом, страна смогла облегчить лежащее на ее плечах бремя и запустить процесс снятия санкций. В первую очередь, СВПД отменял существовавшие ограничения на торговлю нефтью, что позволило увеличить приток финансовых средств в казну страны.

Одновременно, начался постепенный процесс реинтеграции Ирана в мировую экономику. Иностранные инвесторы стали прощупывать возможные варианты для возвращения в ИРИ. Восстанавливались межбанковские связи. Вместе с тем, руководству страны в период 2015-2018 гг. удалось стабилизировать ситуацию в иранской экономике, но не гарантировать устойчивость процесса ее возрождения. Тем болезненнее для Ирана было решение американского президента Д.Трампа об одностороннем выходе США из СВПД.

Вместе с тем, новость о восстановлении режима санкций иранская политическая элита встретила вполне спокойно, продемонстрировав неожиданную уверенность в собственных силах и решимость продолжать борьбу. Громкие и иногда истеричные заявления представителей ИРИ для внешнего мира сильно контрастировали с тем относительным спокойствием, с которым данный вопрос обсуждается внутри страны [13, с. 2, 6].

Косвенным подтверждением тому может служить ситуация конца лета - начала осени 2018 г., когда на внутривнутриполитической повестке проблема возвращения санкций хоть и активно обсуждалась, но не являлась единственной и самой главной темой для дискуссий. Куда в большей степени внимание общественности и политиков ИРИ в этот период времени привлекали иные вопросы, такие как перспективы присутствия их страны в Сирии, динамика ирано-саудовских отношений, будущее нефтяного рынка, отставки в экономическом блоке правительства (в ряде случаев ставшие результатом вынесенного парламентом импичмента) и т.д.

Более того, иранские власти перестали винить во всех своих бедах исключительно санкции. Так, изданный в конце июля 2018 г. отчет Исследовательского центра при парламенте ИРИ о состоянии экономики страны свидетельствовал о том, что санкции хоть и делают жизнь страны хуже, но корень всех бед все же кроется внутри самой структуры экономики ИРИ и неправильном управлении государством.

Следует отметить, что решения нового американского руководства все же не привели к катастрофическим последствиям для иранской экономики. В частности, падение иранского риала удалось удержать от критического пика. До осени 2018 г. его курс был завышен, как минимум, в 3 раза, что не шло на пользу экономике страны. Чтобы избежать проблем в будущем, его нужно было обвалить.

Действительно, непрекращающееся падение национальной валюты в последние месяцы вызвало шок среди простых иранцев и существенно снизило социально-экономические показатели. Однако, в итоге, это создало удобные условия для роста доходов ориентированной на экспорт иранской нефтегазовой промышленности, которая в случае введения против ИРИ и ее нефтедобывающей отрасли санкций станет одним из основных источников пополнения бюджета страны [14, pp. 10-16].

При этом надо учитывать, что иранская программа диверсификации в последние годы была, в целом, успешной. Объем нефтегазового экспорта страны рос и практически соответствовал, а иногда и перекрывал объемы импорта. Так, в 2016 г. страна поставила на внешние рынки нефтегазовых товаров на \$43 млрд, а завезла продукции на \$40 млрд. По оценкам самих же иранцев, девальвация национальной валюты увеличила доходы экспортеров в риаловом исчислении на 600%, а следовательно, возросли и поступления в бюджет [15; 16].

В долгосрочной перспективе скачок доходов экспортеров будет «съеден» инфляцией и ростом потребительских цен, однако по состоянию на середину ноября 2017 г. корректировки в прибыли

иранского бизнеса были не такие уж значительные. К ноябрю 2018 г. рост потребительских цен в городах составлял 33% в год (47,5% для продовольственных товаров и 27,2% для промтоваров) [16].

Инфляцию также не удавалось сдерживать на апрельском уровне в 7,9%. К октябрю 2018 г. она достигла показателя в 13,4% - официально, и 31,4% - неофициально, в годовом исчислении [16]. Вместе с тем, темпы роста инфляции все же были меньше 80%, о чем говорили некоторые скептики.

Шокового роста стоимости потребительских товаров по модели России начала 1990-х гг. также удалось избежать. Благодаря регулированию цен, разумному распределению накопленных резервов и поддержке, оказанной государством импортерам, рост стоимости товаров шел плавно (по разным оценкам, в октябре 2018 г. он составил 7-12%, по сравнению с предыдущим месяцем).

Покупательная способность домохозяйств снизилась, но оценивать ее нужно не по долларовой, а по рияловой шкале с учетом того, что рост цен не галопировал вслед за долларом. В итоге, сокращение реальной покупательной способности населения идет куда более медленными темпами.

Свои плоды приносит и реализуемая в Иране программа по обеспечению частичной экономической самодостаточности. Сегодня иранская экономика вполне способна самостоятельно удовлетворить минимальные базовые потребности населения в продовольствии, энергоносителях, одежде и, частично, лекарствах. От колебаний доллара цены в этом сегменте зависят в меньшей степени. Эти же сектора экономики, по расчетам иранцев, окажутся и наименее подвержены влиянию санкций [14, pp. 10-16].

Надеются в Тегеране и на то, что полностью отрезать Иран от мирового рынка нефти США все же не смогут, а следовательно, и оставят ему этот источник доходов. По официальным иранским оценкам, которые перекликаются с оценками западных консалтинговых агентств, реально Вашингтон будет в состоянии снизить объемы экспорта иранской нефти на 0,5-1 млн баррелей в сутки. При этом, если сокращение на 1 млн барр. сулит иранской экономике рецессию в -2%, то при снижении в 0,5 млн барр. будет возможно даже сохранить ее рост в 0,5%. Вместе с тем, на руку Ирану играют и высокие цены на нефть, которые позволят хотя бы частично компенсировать падение объемов ее экспорта [14, pp. 10-16].

Наконец, существенный расчет делается на то, что Ирану удастся сыграть на разногласиях, существующих между США и ЕС по будущему СВПД. Для европейцев выход американцев из договора

воспринимается однозначно как стратегическая ошибка.

В этом одно из главных отличий ситуации 2018 г. от 2010-2015 гг., и заключается в том, что тогда объединенная Европа выступила союзником США в вопросе санкционного давления на Иран. Сейчас же ЕС с самого начала кризиса обозначила готовность помочь Тегерану компенсировать негативный эффект от американских санкций*.

В своих возможностях Брюссель, конечно, ограничен, но все же не беспомощен. И основные надежды Ирана здесь связаны не столько с крупным европейским бизнесом, боящимся санкций со стороны США, сколько с возможностью сохранить контакты с малым и средним бизнесом. Стремясь дополнительно мотивировать ЕС на активные шаги по сохранению Соглашения по иранской ядерной программе, руководство ИРИ как мантру повторяет свое решение не выходить из договора, пока участие в нем приносит хоть какую-то пользу (т.е. пока существует помощь от Европы в противостоянии с США)**.

С учетом всех вышесказанных факторов иранская элита, судя по всему, исходит из того, что экономическая ситуация в стране тяжелая, но не трагическая, в то время как сама экономика сохранила свой запас прочности. В среднесрочной перспективе санкции едва ли это изменят. В Тегеране также понимают, что развиваться в текущих условиях и, тем более, после введения нового пакета мер экономического давления страна не сможет, но будет выживать, хоть и балансируя на грани. Впрочем, перед исламским строем как раз и стоит задача выжить, на большее его руководители и не рассчитывают.

Пока трудно сказать - ориентируется ли иранское руководство на модель Кубы или Северной Кореи, где страны выживают в условиях санкций десятилетиями, или же Тегеран рассчитывает, что срок, который ИРИ нужно будет просуществовать «на грани жизни», все же ограничен, после чего последует улучшение ситуации.

Думается, что речь идет все же о втором сценарии, когда иранское руководство надеется, что через несколько лет ситуация вновь изменится в более благоприятную для Ирана сторону, после чего режим санкций удастся вновь пересмотреть. По крайней мере, при кулуарном общении в речах иранских экспертов и политиков проскакивает идея о том, что ИРИ нужно лишь пережить Д.Трампа, а уж его преемник будет совершенно иным человеком, более близким по взглядам к Б.Обаме***. Вторят этой идее и некоторые европейские политики.

* Интервью с экспертами по внешней политике Ирана. Тегеранский университет; *The Institute for Iran-Eurasia Studies* (ИРАС), октябрь 2018 г.

** Интервью с экспертами по внешней политике Ирана. Тегеранский университет; ИРАС, октябрь 2018 г.

*** Интервью с экспертами по внешней политике Ирана. Тегеранский университет; ИРАС, октябрь 2018 г.

При этом здесь есть и свои издержки. Иранский обыватель может оказаться не готов принять идею о необходимости - пусть и временно - смириться с тяжелой социально-экономической ситуацией. Настроения среди населения сейчас чрезвычайно пессимистичные, а в стране все чаще распространяются противоречивые и устрашающие слухи о грядущих потрясениях.

Между тем, паника в Иране, если таковая возникнет, способна на многое. Из-за нее в начале осени 2018 г. курс национальной валюты к доллару временно упал ниже отметки в 200 тыс. иранских риалов. Она же стала причиной роста недовольства экономической политикой режима, которое в будущем способно перерасти в массовые политические протесты. Успокоить народ, внушить ему надежду на будущее у правителей Ирана пока не получается.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В ближайшие годы экономика ИРИ все еще будет приспосабливаться к новым условиям, созданным в сентябре - ноябре 2018 г. стремительным обесценением иранского риала, резким банкротством ряда предприятий, а также существенным снижением покупательной способности иранских домохозяйств на фоне восстановления американского санкционного режима.

В результате, в 2019 г. продолжится активное повышение потребительских цен, чей рост искусственно замедлялся руководством страны осенью 2018 г. на фоне обвала обменного курса иранского риала по отношению к доллару США. ИРИ едва ли удастся вернуть темпы роста инфляции на уровень ниже 10%. По мере дальнейшего закрытия части производств будет расти уровень безработицы. В итоге, доля населения, живущего за абсолютной чертой бедности, может перевалить за 34%, зафиксированные в 2018 г.

Качественно изменить ситуацию в свою пользу Тегеран будет не в состоянии. Экономический блок правительства Х.Роухани оценивается как слабый и неспособный думать вне традиционных рамок. При этом он существенно ограничен в своих возможностях: улучшение экономической ситуации в Иране возможно только через проведение качественных структурных реформ, которые затрагивают как идеологические основы существующего строя, так и интересы той части политической и экономической элиты страны, которая активно наживается на непрозрачности и закрытости иранской экономики, а также на теневой ее части.

В частности, попытки аппарата президента ИРИ присоединить страну к ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием

денег) и провести изменения финансовой отчетности в соответствии с ее требованиями наткнулись на сильнейшее сопротивление со стороны представителей части духовенства, политического истеблишмента и представителей КСИР, которые пригрозили правительству Х.Роухани новой чередой импичментов и отставок, начиная с министра иностранных дел Дж.Зарифа.

По мере ухудшения социальных показателей будут создаваться предпосылки для возможного перерастания протестных мероприятий в более масштабные политические акции при возникновении новых, неожиданных стрессовых ситуаций в экономической жизни страны или провокаций. Особые опасения вызывает тот факт, что протестный потенциал в ИРИ не только может постепенно набирать силу, но и продолжит свое качественное изменение. В него уже оказались вовлечены представители иранских провинций и тех слоев населения (госслужащие, рабочие, малоимущие граждане), которые прежде выступали опорой иранского режима. Обращает внимание, что в 2018 г. участники протестов начали временами ставить вопрос о целесообразности сохранения существующего политического строя.

Дополнительным фактором, способным дестабилизировать ситуацию в ИРИ, будет и активная внутриэлитная борьба, возрастающая по мере приближения парламентских и президентских выборов 2020 и 2021 гг. В ходе этого противостояния политики опять могут попытаться использовать недовольство масс населения складывающейся политической ситуацией, чтобы натравливать их против своих оппонентов. Как показал опыт протестов конца 2017 - начала 2018 гг., властные группировки вполне способны спровоцировать выступления против своих политических противников, но не всегда могут удержать эти выступления под контролем. Дополнительным фактором для активизации деятельности протестного движения может быть и война компроматов, традиционно разворачивающаяся в ИРИ накануне тех или иных выборов.

Нельзя исключать выхода на политическую арену страны новых сил или укрепления тех политических группировок, позиции которых пока считаются слабыми. Неясными остаются политические планы главного оппонента Х.Роухани на прошедших выборах - Э.Раиси. В 2018 г. он не проявлял никакой видимой активности, однако, после назначения на пост главы судебной власти в 2019 г., о Э.Раиси вновь заговорили как о возможном кандидате на пост Верховного лидера Ирана*.

Вместе с тем, вероятность глобального социального взрыва в стране, который может привести

* Интервью с экспертами по внешней политике Ирана. Катарский университет, Доха, Катар. Февраль 2019 г.

к смене политического строя, оценивается как незначительная. Для этого в Иране существует ряд сдерживающих факторов. И дело не только в том, что несистемная оппозиция в стране все еще находится в зачаточном состоянии и не имеет массовости и единого руководства.

Гораздо важнее, что средний и высший класс страны настроены исключительно негативно к переменах революционного характера. Правящая элита, несмотря на внутренние разногласия, едино относительно сохранения формата исламской республики.

На сторону защитников существующего режима перешли даже представители «зеленого движения». Их вполне устраивают косметические политические изменения, проведенные Х.Роухани, которые представили среднему классу некоторые дополнительные свободы. В годы его президентства часть представителей «зеленых» была вновь инкорпорирована в политическую и государственную систему (сторонников «зеленого движения» вновь стали принимать в учебные заведения, привлекать в экспертные советы, на ряд должностей в госслужбе).

Немаловажен для «зеленого движения» и социальный фактор: его представители боятся нарождающейся несистемной оппозиции, которая представлена их классовыми врагами - беднотой, рабочим классом. В случае начала серьезных волнений средний класс может существенно пострадать от действий этих групп населения, считаю-

щих его символом несправедливого распределения благ. Наконец, для иранцев все еще жив пример «арабской весны», когда народные волнения не дали желаемых результатов, а в ряде стран привели лишь к хаосу и стагнации.

Кроме того, стране пока удастся избежать экономического коллапса. В 2019 г. США продолжают оказывать давление на торговых партнеров ИРИ с целью минимизировать объемы закупок ими иранской нефти. При этом на практике Д.Трамп не будет требовать полного ухода Тегерана с нефтяного рынка, т.к. это вызовет нежелательные ценовые скачки. С высокой вероятностью ИРИ удастся сохранить объемы экспорта нефти на уровне не менее 1,2 млн барр. в сутки, а также продавать до 0,5 млн барр. в сутки нелегально, что гарантирует минимально возможный рост ВВП Ирана в 0,5-1%. При этом нехватка средств в бюджете может ощущаться лишь начиная с третьего квартала 2019 г., учитывая информацию о том, что руководству страны еще в начале осени 2018 г. удалось саккумулировать финансовые средства, необходимые для выполнения задач бюджета как минимум до апреля 2019 г.

В таких условиях страна будет обладать достаточными ресурсами для того, чтобы сдерживать скорость ухудшения социально-экономической ситуации, а значит - протестный потенциал в ИРИ, хоть и будет расти, но пока что не приведет к революционным потрясениям, способным сменить режим в Иране.

Список литературы/ References

1. Budget's Oil Dependence Declines to 30% // The Financial Tribune. 25 April 2017 - <https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/63082/budget-s-oil-dependence-declines-to-30> (accessed 24.03.2019)
2. Iran's Petrochemical Exports Approaching USD11 billion // The Tehran Times. 1 January 2012 - <https://web.archive.org/web/20120204211907/http://www.tehrantimes.com/economy-and-business/94108-irans-petrochemical-exports-approaching-11-billion> (accessed 24.03.2019)
3. Clawson P. Iran beyond Oil? // Policy Watch. 3 April 2013 - <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iran-beyond-oil> (accessed 13.05.2018)
4. McLean E.V., Whang T. Friends or Foes? Major Trading Partners and the Success of Economic Sanctions // International Studies Quarterly, 2010, № 54.
5. Drummond J., Khalaj M. Iran Finds Way Round Petrol Sanctions // The Financial Times. 7 February 2011.
6. Saul J., Kasolowsky R. Iran feels sanctions heat at UAE ports // Reuters. 3 August 2010.
7. Rasheed A., Aqrawi S. Despite pledges, Iraqi Kurd oil still flows to Iran // Reuters. 22 July 2010.
8. Azad Sh. The Politics of Privatization in Iran // The Middle East Review of International Affairs. Vol. 4. № 4. December, 2010.
9. Iran's Struggle. The regime tightens its belts and fists // The Economist. 15 January 2011.
10. Wehrey F., Green J.D. The Rise of Pasdaran. Washington, 2009.
11. Treasury Designates 24 Shipping Companies Affiliated with IRISL, Two Entities Tied to Iran's Aerospace Industries Organization // U.S. Department of Treasury. 13 January 2011.
12. Razeq M. Egyptian bank denies accusations of Iranian collusion // al-Masry al-Youm. 21 November 2010.
13. Today's Goal. 4 November 2018 (In Persian)
14. Abdollahi M.R., Musavinik S.Kh., Sadeqi N., Qayvani Z. The Analysis of the Recent Changes in Iran's Economy. Tehran. 1397 (In Persian)
15. Industry. 16-18, 20-22 October 2018, 4 November 2018 (In Persian)
16. World of Economy. 16-18, 20-22 October 2018, 4 November 2018 (In Persian)